

Один день Дмитрия Хворостовского

Эта статья Альфреда Хакенсбергера из «Цайт-магазин» (Гамбург) проделала долгий путь из Европы до Красноярска — через Израиль. Именно оттуда получила ее Фаина Краверская — доцент Красноярского педагогического университета и передала нам.

Hvorostovsky.org

ДМИТРИЙ Хворостовский на ногах с пяти утра. Сначала перелет из Парижа в Берлин, а оттуда на машине три часа езды до Котбуса, промышленного города на границе с Польшей. «Дорога отвратительная», — замечает он, — прибавьте сюда и особое отношение к русским на границе. Пограничнику трудно поверить в то, что русский может быть оперным певцом и совсем не обязательно шляхетом».

На исходе дня в концертном зале Котбуса перед началом первой репетиции и записи передачи «Вниманье классика», готовящейся на телестудии ЦДФ, 29-летний баритон кажется усталым и опустошенным. Черные круги под запавшими глазами, бледное лицо, растрепанная, рано поседевшая шевелюра! Но вот режиссер приглашает его на сцену, и певец преображается. Раздаются первые такты ариозо Евгения Онегина из одноименной оперы Чайковского, и от намокнувшей за день усталости не остается и следа. Полный чистый голосом Дмитрий Хворостовский исполняет гимн любви, с которым нравственно переродившийся Онегин обращается к прекрасной Татьяне: «Ужель та самая Татьяна, которой наядяне, в глухой далекой стороне, в благом пылу нравуоченья читал, когда-то наставленья!» Нафос певца пылок, подбоченившись, он то наклоняется вперед, то откидывается назад, отбивая такт ногой. Одет он во все черное, на нем потрепанная кожаная куртка и ковбойские сапоги. И если бы не музыка Чайковского, мы могли бы подумать, что перед нами участник какой-нибудь поп-группы.

Репетиция прерывается: в оркестр еще не передали ноты популярной песни «Очи черные». Хворостовский рад перерыву. В буфете он закуривает сигарету и заказывает кофе. «Знаю, что многие мои коллеги-певцы не поверили бы и с осуждением покачали бы головой, но я могу курить, мне это не вредно» — с улыбкой замечает он.

Дмитрия Хворостовского, этого молодого курящего певца, называют мететором на зря. За какие-то четыре года он проложил себе путь к

международной карьере. В 1987 году получил первую премию на конкурсе певцов в СССР, немного спустя, в возрасте 27 лет, победил на конкурсе «Певцы мира» в Кардиффе, который организовала телекомпания Би-Би-Си. «Пришел, спел и победил», — писала лондонская «Таймс». В 1990 году состоялся дебют в Америке, и восторженные отзывы появились в американской прессе. Нью-Йоркская «Дейли ньюс», отмечая «самого молодого представителя нового поколения баритонов», писала, что он «производит звуки, самые прекрасные и выразительные из всех, какие мы слышим сегодня у других певцов».

Но Дмитрия Хворостовского ценят не только за его великолепный голос. Окончание «холодной войны», гласность и демократизация на его родине превратили его в привлекательного и экзотичного представителя страны, которая до сих пор была в культурном отношении белым пятном для Запада. А Дмитрий Хворостовский к тому же родился в Сибири. Точнее, в Красноярске, городе с миллионным населением. Сибирь! Край, в сознании многих граждан Запада ассоциирующийся со снежной пустыней, собачьими упряжками, буровыми вышками и ГУЛАГом.

Все хотят его услышать, все хотят его увидеть. — «Дмитрия Хворостовского, прекрасного певца из Сибири», — пишет газета «Франкфуртер альгемайне». Одна немецкая телестудия представила его как сибирского тигра, который во всех ситуациях сдержан и невозмутим. Хворост-

овский не возражает против подобных ярлыков. Без рекламы нет бизнеса. «К тому же я действительно родился в Сибири и даже в год тигра».

В отличие от популярных, направлений музыкального бизнеса, где легче и спокойнее можно нащупать и развить что-то новое, в сфере классической музыки, особенно артистам, значительно труднее заявить о себе. Как известно, современная симфоническая музыка для нас — жаркое существование, доходы, по-прежнему принесут лишь Бах, Бетховен, Моцарт, Сибелиус, да Верди. Но их произведения исполнялись уже десятки раз, причем лучшими оркестрами, лучшими дирижерами, лучшими певцами. Зачем покупателю приобретать третий, четвертый или пятый вариант исполнения произведения Чайковского? Другое дело, если у молодого и сравнительно незнаменитого исполнителя экстравагантный имидж. За Дмитрием Хворостовским закрепился имидж человека, наделенного русской меланхолией и задумчивостью, что вполне соответствует репертуару, с которым он добился мирового признания: известно, как печальны песни Чайковского и Рахманинова.

«Снова, как прежде один», последнее произведение Чайковского, снято как видеоклип. С помощью световых эффектов, в лучших традициях современного телевидения, воссоздается мрачное, драматическое настроение. На заднем плане — красивые молодые женщины и мужчины. Дмитрию Хворостовскому очень нравится этот видео-

ролик: «Девушки были очень красивы, но использовать этот прием надо было аккуратно. При попытке перевести классическую музыку на язык видеобизнеса в стиле «поп» теряется весь замысел Чайковского. Ведь каждое слово этого романа напоминает о смерти».

Несмотря на необходимость считаться с рынком, для артиста Хворостовского главное все же — содержание, музыка. Нельзя не заметить, что он стремится к новым горизонтам как в жизни, так и в музыке. Нельзя не заметить и того, как велика его любовь к русской культуре, к русской душе, которая, по его словам, «проявляет себя так сильно, как никогда», несмотря на семьдесят лет социалистической диктатуры. При этом он не имеет в виду национализм, поднимающий сейчас голову, считая его следствием слепоты и невежества.

По-юношески раскованный и привлекательный, Дмитрий Хворостовский словно создан для роли Евгения Онегина, этого русского денди XIX века. 29-летний артист уже свел ста раз с л эту партию: в своем родном Красноярске в Сибири, в старинном «Театро Пониче» в Венеции, в венском театре «Шателен» под руководством Селены Бычкова. Дмитрий Хворостовский начал было выступать до тонкости в «Онегине». Но настоящая работа с дирижером Семёном Бычковым показала, что это не так. «У меня было впечатление, что каждая нота изменилась, каждая фраза написана заново. Возникло состоя-

ние абсолютного творчества. Творчества, которое вносило смелые в душу и которое трудно описать словами».

Леонард Бернстайн и Джордж Солти предложили молодому баритону попробовать себя в роли другого денди. «Вы — вылитый Дон-Жуан», — сказали ему. На 1994 год был уже запланирован его дебют в роли этого сердцееда из оперы Моцарта на музыкальном фестивале в Зальцбурге. Но Дмитрий Хворостовский отказался от заманчивого предложения. «Я слишком молод для этой роли», — сказал он.

С АМ ДМИТРИЙ считает, что пик его певческой карьеры наступит лет через пятнадцать. Удивительный молниеносный взлет на вскружил голову молодому человеку, хотя, следует признать, и прибавил ему самоуверенности. Еще год назад он вел себя более робко и сдержанно на международной оперной сцене. Шумиха в печати, продолжительные гастрольные поездки и ошеломляющий успех изменили его. «Я повзрослел и стал более зрелым человеком, но тем не менее мне надо еще учиться и учиться», — откровенно говорит он. Певцу уже пришлось на собственном опыте убедиться, как быстро барометр общественного мнения может упасть от попадания в до резкой критики. Полгода назад во время гастроль в «Ковент-Гарден» на него обрушился град уничижительной критики. «Публика была в восторге, мне даже пришлось покинуть здание через черный ход, — вспоминает он. — Не могу понять реакции критиков». Он уже на-

чал было сомневаться в своем искусстве, тем более что выступал в Лондоне с новой программой. «Те же критики, которые год назад превозносили меня до небес, вдруг стали утверждать обратное. Я больше им не верю».

...Вечером в ресторане гостиницы «Браница», бывшей политакадемии СЕПГ, официанты заканчивают последние приготовления к ужину. С задумчивым видом Дмитрий Хворостовский сидит за круглой пива за одним из искусно убранных столов. Он говорит, что не понимает, как немцы, носители одного языка и одной культуры, так долго могли жить в изоляции друг от друга. Ужасает его и разительное отличие архитектуры Запада и Востока. Дмитрий впервые на территории восточной части Германии, и мрачный вид Котбуса напоминает ему унылый облик многих провинциальных городов России. Его очень интересует история его страны, он охотно встретился бы с Солженицыным, как раз сейчас он читает его книгу «Архипелаг ГУЛАГ». Друзья говорили ему, что Солженицын ожесточился. «Все русские таковы», — говорит он с явным меланхолическим подтекстом. — Покидая родину, они теряют частичку своего сердца».

Дмитрий Хворостовский хочет остаться на родине. Живет он с женой и десятилетней дочуркой в Москве, где основал фирму, которая, кроме менеджмента в мире музыки, торгует оборудованием и машинами, а также совершает сделки с недвижимостью. «Цены на земельные участки в Москве пока доступны, но уже через год-два они взлетятся ввысь», — предсказывает певец, выступая в роли маклера по торговле недвижимостью. На Западе он тоже собирается делать инвестиции. «Надо же где-то с пользой поместить заработанные деньги», — говорит он. — Ведь и мне в старости понадобится пенсия».

Ловкий бизнесмен? Гениальный артист? Или талантливый бонавиван? Обычные клише неприложимы к Дмитрию Хворостовскому. И уж тем более не подходит ему образ далекого от мира, замкнувшегося на себе певца.

Альфред ХАКЕНСБЕРГЕР.